

СТАТЬИ

УДК 336.14

DOI 10.17513/fr.43909

**НАПРАВЛЕНИЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ СИСТЕМЫ
ПЕНСИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ГРАЖДАН РОССИИ****¹Бойтуш О.А. ORCID ID 0000-0002-3171-3420,****¹Новикова Н.Ю. ORCID ID 0009-0001-0009-5144, ²Плешакова М.В.**

¹*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский государственный экономический университет», Россия, Екатеринбург,
e-mail: boytush-ok@mail.ru;*

²*Государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
города Москвы «Московский городской педагогический университет», Россия, Москва*

Цель исследования – разработать модель повышения устойчивости и адекватности пенсионного обеспечения в Российской Федерации в условиях демографического старения и ограниченности источников финансирования. В работе под адекватностью понимается способность пенсионной системы обеспечивать приемлемый уровень потребления в пожилом возрасте; ключевым индикатором выступает коэффициент замещения, то есть отношение среднего размера пенсии к средней заработной плате. Устойчивость трактуется как длительная способность системы исполнять обязательства без нарастания структурного дефицита при заданной демографической нагрузке, то есть соотношении численности пенсионеров и занятых. Эмпирическая база включает официальные статистические ряды по численности пенсионеров, средним пенсиям и заработной плате за 2021–2024 гг., а также модельные оценки по самозанятым и неформально занятым гражданам. Методологически используются динамические и сравнительные методы, индексный подход к измерению адекватности, а также сценарное моделирование влияния расширения базы страховых взносов на доходы системы. Основной результат – интегральная аналитическая таблица макроиндикаторов, показывающая устойчивое снижение коэффициента замещения к значениям около одной четверти средней заработной платы при сохранении высокой демографической нагрузки, и консолидация микроэкономических параметров предлагаемой реформы страховых взносов самозанятых и неформально занятых. Предлагается дифференцированная ставка взноса для самозанятых в размере 5,5% от годового дохода, а также обязательный минимальный взнос для неформально занятых с административной интеграцией данных налогового и банковского мониторинга. Модельные расчеты указывают на потенциальное увеличение доходов пенсионной системы более чем на 1 трлн руб. в год при одновременном сохранении рентабельности предпринимательской активности самозанятых. Научная новизна состоит в увязке макроуровневых индикаторов адекватности и устойчивости с институциональной конфигурацией источников взносов, а также в операционализации параметров реформы через воспроизводимые расчетные таблицы. Практическая значимость – в предоставлении регулятору инструментария для таргетирования коэффициента замещения при заданных бюджетных ограничениях и реалистичных поведенческих предпосылках.

Ключевые слова: пенсионная система, коэффициент замещения, демографическая нагрузка, самозанятые, неформальная занятость, пенсионные взносы, финансовая устойчивость

**DIRECTIONS FOR IMPROVING
THE PENSION SYSTEM FOR RUSSIAN CITIZENS****¹Boytush O.A. ORCID ID 0000-0002-3171-3420,****¹Novikova N.Yu. ORCID ID 0009-0001-0009-5144, ²Pleshakova M.V.**

¹*Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Ural State University
of Economics, Russia, Yekaterinburg, e-mail: boytush-ok@mail.ru;*

²*State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the City of Moscow
Moscow City Pedagogical University, Russia, Moscow*

The aim of this study is to develop a model for improving the sustainability and adequacy of pension provision in the Russian Federation in the context of demographic aging and limited funding sources. In this paper, adequacy is defined as the pension system's ability to ensure an acceptable level of consumption in old age; the key indicator is the replacement rate, i.e., the ratio of the average pension to the average wage. Sustainability is defined as the system's long-term ability to meet its obligations without accumulating a structural deficit, given the demographic burden, i.e., the ratio of the number of pensioners to the employed. The empirical base includes official statistical series on the number of pensioners, average pensions, and wages for 2021–2024, as well as model estimates for the self-employed and informally employed. The methodological approaches utilize dynamic and comparative methods, an index approach to measuring adequacy, and scenario modeling of the impact of expanding the insurance contribution base on system revenues. The main result is an integrated analytical table of macroindicators demonstrating a steady decline in the replacement rate to values of approximately one-quarter of the average wage while maintaining a high demographic dependency ratio. It also consolidates the microeconomic parameters of the proposed reform of insurance contributions for the self-employed and informally employed. A differentiated contribution rate for

the self-employed of five point five percent of annual income is proposed, along with a mandatory minimum contribution for the informally employed, with administrative integration of tax and banking monitoring data. Model calculations indicate a potential increase in pension system revenues by more than one trillion rubles per year while simultaneously maintaining the profitability of entrepreneurial activity for the self-employed. The scientific novelty lies in linking macro-level indicators of adequacy and sustainability with the institutional configuration of contribution sources, as well as in operationalizing the reform parameters through reproducible calculation tables. The practical significance lies in providing the regulator with tools for targeting the replacement rate under given budget constraints and realistic behavioral assumptions.

Keywords: pension system, replacement rate, demographic burden, self-employed, informal employment, pension contributions, financial stability

Введение

Пенсионное обеспечение – ключевой элемент социальной политики, обеспечивающий межпоколенческое перераспределение доходов на основе страховых взносов и бюджетных трансфертов. Эффективность системы оценивается по двум взаимодополняющим критериям: адекватности выплат и финансовой устойчивости. Адекватность отражает способность пенсий поддерживать приемлемый уровень потребления домохозяйств пожилого возраста; финансовая устойчивость характеризует долговременную выполнимость обязательств без наращивания структурного дефицита при заданной демографической нагрузке. Рынок труда и демографическая структура в последние годы существенно изменились. С одной стороны, занятость демонстрирует устойчивость, с другой – ускорился рост сегментов самозанятости и гибкой занятости, сохраняется значительный объем неформальной деятельности. Эти сегменты традиционно охвачены пенсионным страхованием неполно, что сужает взносную базу и ограничивает возможности наращивания коэффициента замещения без усиления зависимости от бюджетных трансфертов. В то же время общественный запрос на повышение адекватности пенсий усиливается, поскольку домохозяйства сталкиваются с возрастающими издержками жизненного цикла и неопределенностью доходов.

Российская система пенсионного обеспечения прошла несколько волн институциональных изменений. На уровне обязательного пенсионного страхования корректировались правила учета стажа и заработков, параметры индексации и источники финансирования. В накопительном контуре предпринимались попытки переосмыслить архитектуру долгосрочных сбережений и роль финансовых посредников. Однако ключевые макроиндикаторы последних лет свидетельствуют о сохранении напряжения между целями повышения адекватности и ограничениями по источникам финансирования. Опережающий рост заработной платы относительно пенсий сдерживает коэффициент замещения, а умеренное сни-

жение демографической нагрузки не создает достаточного «окна возможностей» для автоматического улучшения показателей без институциональной настройки.

Для полноты контекста разграничим уровни пенсионного обеспечения. Базовый уровень – обязательное пенсионное страхование в составе государственной системы. Добровольный уровень для граждан – индивидуальные программы долгосрочных сбережений и добровольного пенсионного страхования, доступные в том числе самозанятым. Корпоративный уровень – негосударственные пенсионные программы работодателей, финансируемые за счет взносов компаний и (или) работников и администрируемые профессиональными участниками. В дальнейшем рекомендации по расширению взносной базы относятся к обязательному уровню; добровольные и корпоративные механизмы рассматриваются как дополняющие, а не замещающие.

Научная новизна предлагаемого подхода заключается в интеграции макроуровневого анализа динамики ключевых показателей и микроуровневой параметризации институциональных изменений в части страховых взносов. Вместо абстрактных рекомендаций представляется воспроизводимый расчетный контур: консолидация официальных рядов по численности пенсионеров, средним пенсиям и заработной плате; вычисление коэффициента замещения и демографической нагрузки; построение модельных сценариев по ставкам взносов для самозанятых с учетом операционных издержек и требований к минимальной рентабельности; оценка бюджетного эффекта от вовлечения незастрахованных групп. Такой дизайн позволяет связать целевой индикатор – коэффициент замещения – с инструментами регулирования доходной базы, не увеличивая чрезмерно нагрузку на занятость в формальном секторе.

Подходы к реформированию пенсионных систем через баланс адекватности и устойчивости обоснованы в работах К.В. Швандара и А.А. Анисимовой, где подчеркивается необходимость сочетания страховых и бюджетных источников при адаптации

к демографическим трендам [1]. В плоскости борьбы с бедностью пожилых акцент на адресных механизмах и повышении эффективности распределительных каналов делает А.К. Соловьев, указывая на структурные ограничения текущей конфигурации [2]. Юрико-институциональные аспекты профессиональных пенсий, важные для отраслевого таргетирования, рассматривает Г.Г. Пашкова, подчеркивая неоднородность рисков и прав в различных профессиональных группах [3]. Дискуссия о накопительном элементе получила развитие у С.А. Хмелевской и Т.С. Есауловой, где показаны организационные и поведенческие риски модернизации накопительной компоненты [4]. Историко-правовая перспектива накопительного звена и поиски его современной концептуализации представлены Ю.В. Ворониным и А.В. Столяровым, что важно для понимания траекторий реформ [5]. Вопросы эффективности накопительных элементов в международном сравнении анализирует И.К. Биткина, акцентируя значение доверия и качества финансовой архитектуры [6].

Методологию использования коэффициента замещения как инструмента анализа и прогнозирования развивают Ю.М. Горлин, В.Ю. Ляшок и А.А. Салмина, аргументируя его пригодность для таргетирования политики [7]. Проблематизацию коэффициента замещения в качестве единственного критерия эффективности продолжает А.К. Соловьев, подчеркивая риск игнорирования распределительных и поведенческих эффектов [8]. В расширенном эмпирическом контексте факторов роста пенсий в долгосрочной перспективе Ю.М. Горлин и В.Ю. Ляшок связывают траекторию выплат с производительностью и занятостью [9]. Инвестиционные результаты и уроки управления пенсионными накоплениями в России обобщают А. Абрамов и М. Чернова, выделяя институциональные риски и значение регулирования финансовых посредников [10]. Прагматическую критику гарантированных пенсионных планов формулирует И.А. Григорьева, фокусируясь на реализуемости и устойчивости обещаний в корпоративных и отраслевых конфигурациях [11]. Необходимость учета отраслевой специфики в стратегии развития системы, в частности на примере сельского хозяйства, аргументирует И.В. Бальнин [12].

Сравнительный анализ зарубежного опыта дополняет Р.М. Вульфович, рассматривающий германские тенденции с точки зрения федерализма и межтерриториальных различий [13]. Широкая историческая перспектива становления систем обеспече-

ния в европейских империях у Д.И. Раскина демонстрирует институциональные корни современного многоуровневого устройства [14]. Социологическое измерение пенсионных ожиданий населения, значимое для поведенческой реакции на реформы, представлено А.А. Цыгановым [15]. Дискуссия о базовом доходе как возможном контуре трансформации пенсионных систем получает развитие у И.Н. Захарова, где показаны компромиссы между универсализмом и таргетированием [16], а также в обзоре В.Н. Бобкова, А.Г. Пилюс и Е.А. Смирновой, систематизирующем эффекты для распределения и стимулов [17]. Концепт «производства пенсионного блага» и институты его формирования на российском материале анализирует В.В. Мосейко, что важно для сопоставления частного и государственно-организованных механизмов [18]. Суммируя приведенные позиции, практико-ориентированная связка выглядит так. Операционализация коэффициента замещения как таргета допустима при одновременном учете ограничений, выделенных в работах по производительности и занятости, и не сводится к механической индексации выплат. Управление накопительными контурами требует институционального качества и прозрачности, иначе положительные эффекты сглаживаются, а поведенческие риски усиливаются. На стороне доходов устойчивое повышение адекватности возможно через расширение взносной базы в сегментах с неполным охватом – при условии параметрической настройки платежей и актуального учета будущих прав. Предложенная в статье параметризация ставок для самозанятых и минимального взноса для неформально занятых как раз строится на этой логике: таргет – коэффициент замещения, инструмент – расширение базы при сохранении стимулов и расчет нетто-эффектов.

Цель исследования – разработка модели повышения устойчивости и адекватности пенсионного обеспечения в Российской Федерации в условиях демографического старения и ограниченности источников финансирования.

Материалы и методы исследования

Эмпирическая база включает официальные статистические ряды по Российской Федерации за 2021–2024 гг.: численность пенсионеров (чел.), средний размер пенсий (руб./мес.), средняя начисленная заработная плата (руб./мес.), численность занятых (чел.). Единицы измерения приведены в первичных источниках; в аналитических таблицах применена консолидация до миллионов человек для численностей, а также сохране-

на номинальная рублевая оценка без дефлятирования, что позволяет сопоставлять относительные показатели на коротком горизонте наблюдений. Коэффициент замещения оценен по индексу отношения среднего размера пенсии к средней заработной плате, выраженный в процентах. Демографическая нагрузка рассчитана как отношение численности пенсионеров к численности занятых, представленное в интерпретации «пенсионеров на 100 занятых» для удобства сравнения во времени. Динамический анализ осуществляется по 2021–2024 гг. с фиксацией уровней и направлений изменений ключевых индикаторов.

В качестве официальной статистической базы использованы: показатель «среднемесячная начисленная заработная плата работников организаций» (руб./мес.); показатель «средний размер назначенных пенсий, все виды» (руб./мес.); численность получателей пенсий (все виды), а также среднегодовая численность занятых в экономике. Для 2024 г. применена предварительная оценка, а округление численностей до двух знаков после запятой могло привести к визуальному совпадению значений. Демографическая нагрузка определена как число получателей пенсий на 100 занятых. Коэффициент замещения рассчитан как отношение среднего размера назначенных пенсий к среднемесячной начисленной заработной плате, умноженное на 100%. Все сопоставления выполнены в единой методологии и единицах измерения.

Параметризация ставки взноса для самозанятых строится на требовании минимально допустимого личного дохода после взноса (по смыслу – аналог оплаты труда). При годовой выручке Y и доле операционных расходов c взнос $T = \tau Y$, допустим, если $Y * (1 - c - \tau) \geq D_{\min}$.

В расчетах приняты

$$c = 0,30 \text{ и } D_{\min} = 240\,000 \text{ руб./год.}$$

$$\text{При } Y = 450\,000, \tau = 0,055 \\ (5,5\% \text{ от выручки}).$$

Личный доход после взноса равен 290 250 руб./год ($\approx 24\,188$ руб./мес.), что выше порога. Проверка чувствительности: если $D_{\min} = 300\,000$ руб./год (25 000 руб./мес.), верхняя допустимая ставка

$$\tau^* \leq 1 - c - D_{\min} / Y = 0,033 (\approx 3,3\%).$$

Фискальная оценка эффекта выполняется в двух проекциях: валовый эффект (дополнительные поступления взносов) и нетто-эффект с учетом будущих обязательств. Нетто-оценка проводится в логике условно-

накопительной схемы: часть дополнительных поступлений резервируется под будущие права (параметр α), а административные издержки учета/взимания отражены параметром β . Соответственно,

$$EF_{\text{нетто}} = EF_{\text{вал}} * (1 - \alpha) - \beta.$$

На этапе иллюстрации параметры α и β варьируются сценарно; их калибровка требует актуальных данных СФР и выходит за рамки данной статьи.

Результаты исследования и их обсуждение

Сопоставление базовых статистических рядов по численности получателей пенсий, среднему размеру назначенных пенсий, среднемесячной начисленной заработной плате и среднегодовой занятости позволяет получить два производных индикатора, дающих целостное представление о состоянии пенсионной системы: коэффициент замещения и демографическую нагрузку. Первый характеризует относительную «щедрость» выплат по отношению к трудовым доходам, второй – давление на взносную базу. Горизонт 2021–2024 гг. выбран как период, достаточный для фиксации сдвигов после пандемийного шока и перехода к новой конфигурации занятости. Использование номинальных величин корректно в рамках относительных индикаторов: коэффициент замещения нечувствителен к общей инфляции, так как представляет отношение двух номиналов, а демографическая нагрузка – безразмерный показатель в интерпретации «получателей пенсий на 100 занятых» (табл. 1).

Представленные данные фиксируют три важные динамики.

Во-первых, численность пенсионеров сократилась с 42,01 до 41,17 млн чел., что при умеренном росте занятости с 74,9 до 75,5 млн снизило демографическую нагрузку с 56,0 до 54,46 пенсионеров на 100 занятых. Это означает некоторое облегчение «механической» нагрузки на страховую базу за счет демографических сдвигов и рынка труда.

Во-вторых, номинальная средняя пенсия выросла на 37% (с 16 884 до 23 175 руб./мес.), тогда как средняя заработная плата поднялась на 49% (с 65 338 до 97 645 руб. в месяц). Опережающий рост заработной платы относительно пенсий обусловил снижение коэффициента замещения: с 25,8% в 2021 г. до 23,62–23,73% в 2023–2024 гг. На коротком горизонте 2023–2024 наблюдается небольшой «отскок» замещения с 23,62 до 23,73%, однако структурно показатель остается близким к одной четверти средней заработной платы.

В-третьих, сочетание умеренно снижающейся демографической нагрузки и снижающегося коэффициента замещения означает, что бюджетная и страховая устойчивость поддерживались преимущественно за счет относительного «охлаждения» щедрости выплат по отношению к заработной плате, а не за счет широкого расширения базы взносов. Если цель политики состоит в наращивании коэффициента замещения при заданных ограничениях по федеральным трансфертам, то необходима институциональная мера, увеличивающая охват плательщиков и сборы без негативного воздействия на занятость в формальном секторе. Такой мерой выступает технологически осуществимая настройка ставок взносов для самозанятых и администрируемого минимального взноса для неформально занятых. С количественной точки зрения достаточность ресурсов для повышения целевого уровня замещения зависит от того, способен ли расширенный круг плательщиков приносить дополнительные

поступления, сопоставимые с потребностями системы на горизонте ближайших бюджетных циклов.

Микроэкономическая конструкция реформы исходит из трех требований. Первое – обеспечивать минимально допустимый личный доход самозанятого после уплаты пенсионного взноса (по смыслу – аналог оплаты труда), чтобы не создавать стимулов к уходу в тень. Для этого взнос калибруется относительно годовой выручки с учетом операционных расходов и заданного порога личного дохода. Второе – включать неформально занятых через административно реализуемый минимальный взнос, согласованный с параметрами обязательного пенсионного страхования, с поэтапным охватом и защитными режимами для низкодоходных групп. Третье – обеспечивать исполнимость через интеграцию данных налогового администрирования и платежной инфраструктуры: определение базы, расчет взноса, уведомление и контроль исполнения (табл. 2).

Таблица 2

Параметры предлагаемой реформы взносов и ожидаемый эффект (модельные оценки)

Блок	Показатель	Значение
Параметры модели (самозанятые)	Среднегодовая выручка, руб./год	450 000
	Операционные расходы, % выручки	30
	Минимально допустимый личный доход после взноса (аналог оплаты труда), руб./год	240 000
Производные расчеты (самозанятые)	Личный доход до взноса, руб./год	315 000
	Максимально допустимый взнос при $D_{\min} = 240000$, руб./год	75 000
	Предлагаемая ставка взноса, % выручки	5,5
	Предлагаемый годовой взнос, руб./год	24 750
	Личный доход после взноса при ставке 5,5 %, руб./год	290 250
Сопоставление (самозанятые)	Действующий фиксированный платеж (ориентир), руб./год	53 658 ($\approx 11,9\%$ выручки)
	Пороговый минимальный взнос (ориентир), руб./год	15 000 ($\approx 3,3\%$ выручки)
Охват и валовые поступления	Самозанятые: 12,0 млн плательщиков $\times$ предлагаемый взнос, млрд руб./год	297,0
	Неформально занятые: 15,8 млн $\times$ ориентир минимального взноса, млрд руб./год	847,8
	Валовый итог, млрд руб./год	1 144,8
Чувствительность / Нетто-оценка	Верхняя допустимая ставка при $D_{\min} = 300000$, % выручки	$\leq 3,3$
	Нетто-эффект при резервировании 40 % и административных издержках 3 %, млрд руб./год	652,5

Примечание: минимально допустимый личный доход – доход самозанятого после операционных расходов и пенсионного взноса (по смыслу – аналог заработной платы).

Источник: составлено авторами на исследуемых данных.

В части самозанятых расчет иллюстрирует следующая калибровка: среднегодовая выручка 450 000 руб., операционные расходы 30% выручки, порог минимально допустимого личного дохода 240 000 руб. в год (20 000 руб./мес.). При такой конфигурации предлагается ставка 5,5% от выручки: годовой взнос 24 750 руб., личный доход после взноса – 290 250 руб. в год, что выше заданного порога. Для проверки чувствительности: при повышении порога до 300 000 руб. (25 000 руб./мес.) верхняя допустимая ставка не должна превышать примерно 3,3% от выручки. В части неформально занятых фиксируется минимальный годовой взнос, соразмерный страховым параметрам.

В модельной конфигурации для самозанятых предлагаемый взнос 24 750 руб. в год (5,5% от выручки) обеспечивает личный доход после взноса 290 250 руб. в год, то есть выше заданного порога 240 000 руб. Сравнение с действующим фиксированным платежом 53 658 руб. (ориентировочно 11,9% выручки) показывает, что единый высокий платеж непропорционально нагружает низкодходные профили, тогда как долевая ставка сохраняет приемлемый личный доход и снижает стимулы к уходу в тень. При численности 12,0 млн самозанятых дополнительные валовые поступления оцениваются в 297,0 млрд руб. в год. Для неформально занятых административно реализуемый минимальный взнос при ориентировочной численности 15,8 млн плательщиков дает верхнюю оценку ресурса порядка 847,8 млрд руб. в год. Совокупный валовый эффект – около 1144,8 млрд руб. в год. Поскольку вовлечение новых плательщиков формирует будущие права, управленческие выводы следует основывать на нетто-оценке. При резервировании 40% валовых поступлений под будущие выплаты и административных издержках 3% ориентировочный нетто-эффект составит порядка 652,5 млрд руб. в год. Эти величины модельные и служат для калибровки параметров: фактический результат зависит от доли охвата, дисциплины платежей и настроек льгот. Для исполнимости критично обеспечить интеграцию источников данных (налоговый учет, платежные транзакции), автоматизацию расчета и уведомления, а также поэтапное внедрение с региональными пилотами и публикацией парных показателей «вал/нетто». С точки зрения поведения рисков целесообразно сохранять эластичность ставок и предусмотренные послабления для сезонных и низкодходных плательщиков. В целом настраиваемый характер предлагаемой ставки позволяет нарастить ресурсную базу без избыточного

давления на формальный сектор и при сохранении приемлемого личного дохода самозанятых, что делает меру совместимой с целями финансовой устойчивости и постепенного повышения адекватности выплат.

Соотнесение данных в табл. 1 и 2 показывает, что структурный вызов – снижение коэффициента замещения при сохранении умеренно высокой демографической нагрузки – может быть адресован за счет расширения базы взносов. При использовании ресурса порядка 1,15 трлн руб. в год целесообразно таргетировать повышение среднего размера пенсии опережающими темпами относительно заработной платы для постепенного выхода к более высокому уровню замещения. При этом важно избегать усиления фискальной зависимости системы от федерального бюджета, переводя акцент на страховую компоненту.

Заключение

Представленная модель совершенствования пенсионного обеспечения объединяет операциональные макроиндикаторы (коэффициент замещения и демографическая нагрузка) с институциональной настройкой источников страховых взносов для самозанятых и неформально занятых. Консолидация официальных рядов за 2021–2024 гг. выявила устойчивое снижение коэффициента замещения к уровням около одной четверти средней заработной платы при умеренном снижении демографической нагрузки. Модельные расчеты параметров реформы показывают, что дифференцированная ставка взноса 5,5% от дохода для самозанятых и обязательный минимальный взнос для неформально занятых способны сформировать дополнительный ресурс около 1,1 трлн руб. в год без подрыва рентабельности малого предпринимательства. Теоретическая и практическая ценность результатов состоит в переводе дискуссии от декларативных целей к воспроизводимым параметрам, допускающим калибровку и мониторинг. Предложенный подход обеспечивает регулятору возможность таргетировать коэффициент замещения при ограниченных трансфертах, усиливая страховую природу системы.

Ограничения исследования связаны с номинальными измерениями без инфляционной корректировки, отсутствием регионального среза и непараметризованными поведенческими реакциями плательщиков. Эти ограничения очерчивают контур последующей валидации: необходимо дополнить модель дефлированными рядами, расширить ее до региональных панелей, а также оценить эластичность участия в зависимо-

сти от уровня вноса и доходов. Практическая апробация может осуществляться через пилотные проекты с поэтапным масштабированием и встроенными механизмами обратной связи. В целом результаты свидетельствуют, что повышение адекватности пенсионного обеспечения возможно без наращивания долгосрочной фискальной зависимости при условии институционально и технологически реализуемого расширения базы взносов и сохранения стимулов к легальной занятости. Валидация результатов предусматривает актуальную проверку нетто-эффектов, тест на чувствительность к альтернативным ставкам и поэтапную региональную апробацию с публичной отчетностью СФР по валовым и нетто-показателям.

Список литературы

1. Швандар К.В., Анисимова А.А. Подходы к реформированию пенсионных систем в мире и рекомендации для России // Финансовый журнал. 2021. Т. 13. № 1. С. 125–135. DOI: 10.31107/2075-1990-2021-1-125-135.
2. Соловьев А.К. Задачи повышения эффективности пенсионной системы в РФ для преодоления бедности пенсионеров // Проблемы прогнозирования. 2021. № 2 (185). С. 98–112. DOI: 10.47711/0868-6351-185-98-112.
3. Пашкова Г.Г. Профессиональные пенсии в России: проблемы и перспективы // Вестник Томского государственного университета. Право. 2022. № 44. С. 147–158. DOI: 10.17223/22253513/44/13.
4. Хмелевская С.А., Есаулкова Т.С. В поисках новой конфигурации российской пенсионной системы: реформирование института накопительной пенсии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2021. № 4. С. 36–65. DOI: 10.17323/1999-5431-2021-0-4-36-65.
5. Воронин Ю.В., Столяров А.В. Трансформация накопительного элемента пенсионной системы Российской Федерации: в поисках концептуализации современной модели // Журнал российского права. 2020. № 2. С. 94–111. DOI: 10.12737/jrl.2020.020.
6. Биткина И.К. К вопросу об эффективности накопительных элементов пенсионной системы: международный опыт // Финансы: теория и практика. 2020. Т. 24. № 5. С. 24–40. DOI: 10.26794/2587-5671-2020-24-5-24-40.
7. Горлин Ю.М., Ляшок В.Ю., Салмина А.А. Коэффициент замещения как инструмент анализа и прогнозирования пенсионной системы // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 80–103. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-12-80-103.
8. Соловьев А.К. Проблемы применения коэффициента замещения как критерия эффективности пенсионной системы России // Проблемы прогнозирования. 2022. № 2 (191). С. 80–93. DOI: 10.47711/0868-6351-191-80-93.
9. Горлин Ю.М., Ляшок В.Ю. Факторы роста пенсий в долгосрочной перспективе // Вопросы экономики. 2022. № 12. С. 98–117. DOI: 10.32609/0042-8736-2022-12-98-117.
10. Абрамов А., Чернова М. Инвестирование пенсионных накоплений в России: результаты и уроки // Экономическая политика. 2023. Т. 18. № 3. С. 8–45. DOI: 10.18288/1994-5124-2023-3-8-45.
11. Григорьева И.А., Квасова О.С. Недовольство населения пенсионной реформой: гендерный аспект // Журнал социологии и социальной антропологии. 2019. Т. 22. № 4. С. 37–56. DOI: 10.31119/jssa.2019.22.4.2. EDN: GYXFDZ.
12. Бальнин И.В. Учет отраслевых особенностей при реализации стратегии развития пенсионной системы Российской Федерации (на примере сельского хозяйства) // Вестник Казанского государственного аграрного университета. 2023. Т. 18. № 4 (72). С. 96–101. DOI: 10.12737/2073-0462-2023-96-101.
13. Вульфвич Р.М. Актуальные тенденции развития пенсионной системы Федеративной Республики Германия // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2020. Т. 16. № 1. С. 22–39. DOI: 10.21638/spbu23.2020.102.
14. Раскин Д.И. Развитие систем пенсионного обеспечения в контексте процесса модернизации восточноевропейских империй (Россия, Австро-Венгрия, Германия) // Петербургский исторический журнал. 2024. № 2 (42). С. 142–152. DOI: 10.51255/2311-603X_2024_2_142.
15. Цыганов А.А. Пенсионные ожидания жителей России // Социологические исследования. 2022. № 6. С. 36–42. DOI: 10.31857/S013216250017479-9.
16. Захаров И.Н. Возможности введения элементов базового дохода в выплату пенсий и социальной помощи в Российской Федерации // Уровень жизни населения регионов России. 2024. Т. 20. № 4. С. 482–498. DOI: 10.52180/1999-9836_2024_20_4_1_482_498.
17. Бобков В.Н., Пилус А.Г., Смирнова Е.А. Базовый доход и пенсионные системы: обзор исследований и контуры преобразований // Российский экономический журнал. 2024. № 4. С. 87–113. DOI: 10.52210/0130-9757_2024_4_87.
18. Мосейко В.В. Особенности производства пенсионного блага в России // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2020. № 3. С. 200–219. DOI: 10.38050/013001052020310.

Конфликт интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflict of interest: The authors declare that there is no conflict of interest.